

Е Л Е Н А
Д О Р О Ш

Р О К О В О Й
С А К В О Я Ж

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д69

Редактор серии *А. Антонова*
Оформление серии *О. Фатиховой*

Дорош, Елена.

Д69 Роковой саквояж : [роман] / Елена Дорош. — Москва :
Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-245204-8

1913 год. Накануне торжеств, посвященных 300-летию дома Романовых, обыденная командировка страхового агента Аникея Киселева превращается в смертельно опасную миссию. Саквояж, набитый пудом золота, становится яблоком раздора, втягивая в кровавый водоворот безжалостных террористов, алчных бандитов и одного человека, которому суждено встать у них на пути.

Захар Троицкий, чиновник для особых поручений, бросает вызов невидимому врагу. В гонке со временем, где на кону стоит жизнь императора и судьба империи, он должен распутать клубок лжи, предательства и политических интриг, не доверяя никому. Кроме Грушки, отчаянной девушки-послушницы, — неукротимая энергия и обостренное чувство справедливости делают ее неожиданной, но незаменимой помощницей в смертельно опасном деле...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-245204-8

© Дорош Е., 2026
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ПЕРВОЕ МАЯ ТЫСЯЧА ДЕВЯТЬСОТ ТРИНАДЦАТОГО ГОДА

Пароходом, каютой и всем прочим Киселев остался доволен. Вообще выкрашенные розовым «самолетские» суда ему нравились больше, чем те, что у «Кавказа и Меркурия». С виду такие же, двухпалубные, но внутри чище и каждый раз убеждаешься, что вежливость персонала дорогого стоит. К тому же пароход был из тех, что сделаны в Бельгии — всегда плюс и немалый — по особому заказу. Нынче ему достался «Пушкин», а раньше ходил он и на «Тургеневе», и на «Лермонтове». Суда небольшие, не то что «княжеские» — «Суздальский», «Удалой», «Владимир Святой» и прочие. Те помпезные уж больно. «Писательские» поменьше, зато уютнее, и кормежка не в пример лучше, нежели на пафосных. Там все бланманже норовят подать. А чего ему с того бланманже, ежели любит он картошку толченую с котлетой и огурцом соленным.

Правда, однажды и пароходы товарищества «Самолет» перед ним оконфузились. Судно под

названием «Депеша» по недосмотру команды село на мель и чуть не затонуло. Много чего тогда услышал капитан от пассажиров! Ну, да это дело прошлое. Нынче все иначе! «Пушкин», он Пушкин и есть!

С этими хорошими мыслями Аникей Гаврилович прошел в свою каюту и первым делом спрятал под койку саквояж, надавивший руку так, что она вся зашлась.

Хоронушка так себе, можно сказать, никакая, но обратиться к капитану с просьбой обеспечить сохранность ценного груза было невозможно. Об этом его строго-настрого предупредили в страховой компании. Сразу привлечешь излишнее внимание, а в нынешней ситуации оно ни к чему. Аникей Гаврилович отлично понимал все тонкости теперешнего своего вояжа и был уверен, что важное поручение выполнит с честью. Он намеревался покинуть каюту только по великой необходимости, с этой целью взял с собой еды — сколько можно было — и запасся еще кое-чем, но, скорее, чтобы скука не мучила.

С лекарства против скуки он и начал. После «Смирновской» тревога сразу улеглась, и взамен в голове возникла вполне разумная мысль, что идея безвылазно сидеть в каюте глупая.

И дело даже не в том, что за пять дней путешествия от Твери до Нижнего он успеет прибрать всю провизию. Затворническое поведение при-

влечет к себе гораздо более внимания, чем если бы он, к примеру, безвылазно сидел в ресторане.

Как тут не подумать досужим зевакам, коих на пароходе полным-полно, что пассажир ведет себя странно? Стало быть, есть у него резон корчить из себя буку. А какой резон может быть? Наверняка что-то ценное везет.

Аникей Гаврилович помотал головой, досадуя на себя, и в этот самый момент учуял завлекательный запах, доносившийся из кампуса. «Смирновская» разожгла неуместный аппетит и довершила процесс самоуговора.

Стоимость продовольствия на всех пароходах недорогая: за обед из трех блюд возьмут восемьдесят копеек. Без супа опять же не обойтись! В прошлую поездку он было решил питаться всухомятку, так изжогой всю дорогу маялся. И, главное, с чего решил экономить, непонятно! Селянка или уха из свежей осетрины стоят не более шестидесяти копеек за сытную порцию.

Да и что штоф водки на пять дней! Тьфу! В этом деле жадничать не приходится: стоимость крепких напитков на пароходах всего на двадцать процентов выше погребной. А вот ежели чаю захочется, так удобнее пить чай со своей заваркой и сахаром. Его Авдотья положила в дорогу, не скупясь. Кипяток с посудой подается за пять копеек, а после можно требовать без приплаты сколько угодно.

За выпивкой он пропустил момент, когда «Пушкин» отчалил от пристани и успел набрать ход. Самое время сделать короткий променад по общей палубе и первым нырнуть в столовую. С полным брюхом станет веселее и спокойнее на душе.

Размышляя подобным образом, Аникей Гаврилович встал и, оправив дорожный сюртук, вышел из каюты. Заперев за собой дверь, он на всякий случай подергал ручку и, внимательно оглядевшись, двинулся вдоль палубы.

В этом году навигация началась раньше обычного — двадцать девятого апреля. А все потому, что весна выдалась ранняя и полноводная. Холодноовато, конечно, особенно на воде, но все равно здорово!

Застегнув пододетый под сюртук теплый жилет, Киселев, держась за поручни, дошел до верхней палубы и остановился поглядеть на проходящий мимо колесный пароход. «Великая княжна Ольга Николаевна» — было написано на борту.

Киселев залюбовался. Новенький, только что на воду спущен. Как-нибудь, бог даст, поплывет и на нем.

Вышагивая по чистым доскам, Аникей Гаврилович неожиданно вспомнил разговор с начальником перед отплытием. В этот раз беседа была обстоятельной и больше походила на инструктаж для начинающих шпионов. Нервничал с не-

привычки, потому запомнил не все, а вот теперь вспомнил, что первым делом следует присмотреться к пассажирам на предмет, не выглядит ли кто-либо подозрительным или чересчур интересующимся его персоной.

Вообще Киселев считал себя человеком наблюдательным и проницательным, что для страхового агента не в диковинку, но то при выполнении привычных должностных обязанностей. Там он был кум королю, даром что работал на этом месте всего ничего — три года с месяцем. Начальство и то дивилось, как ловко и быстро он мог раскрутить клиента на выгодную для компании подписку. Не раз был премирован за это. Должно быть, поэтому для выполнения столь щекотливого поручения, как нынешнее, выбрали именно его.

Аникей Гаврилович уселся в ближайшее к трапу кресло, надвинул на лоб канотье и принялся за дело, благо пассажиры, еще не утомленные однообразными речными видами, высыпали на палубу любоваться открывающимися пейзажами.

У Твери Волга имеет ширину всего сто сажень, а, например, под Симбирском — до двух верст. Естественно, в зависимости от ширины и многоводия Волги находятся и размеры пароходов. Небольшие плавают обычно на плесе Тверь — Рыбинск, средние — между Рыбинском и Нижним, а огромные «американцы» уже от него до Астрахани.

В верхнем плесе в середине лета часто из-за мелководья пароходное движение вообще прекращается. Весной — дело другое. Волга широка, глубока, потому суда идут смело и ходко. Нынче повезло ему без пересадок плыть от Твери до самого Нижнего. В обычные годы прямым ходом от Твери до Астрахани пароходы пускал только «Самолет», а тут их понабежало! Не протолкнешься. Вследствие этого пассажиров поубавилось, а значит, меньше толкучки на палубах и пристанях. Облегчение и немалое, если разобраться.

Особенно в его ситуации.

Пассажиров первого класса долго считать не пришлось. Всего шесть. Старуха с компаньонкой, далеко не первой свежести девицей, тучная дама в безразмерном сером салопе, страдающая одышкой и ежеминутно вытирающая платком пот, обильно текущий по пухлым щекам из-под слишком теплого капора. С нею — мальчик лет семи, худой и задумчивый, как взрослый. Этих Аникей Гаврилович оглядел бегло, сосредоточившись на двух господах средних лет, стоявших рядом и казавшихся увлеченными беседой.

Их надобно взять под особое наблюдение.

Теперь второй класс.

Пассажиров второго класса, спустившись на нижнюю палубу, он насчитал девятнадцать. Встав так, чтобы его не было заметно за переборкой, Аникей Гаврилович пристально рассмотрел

каждого и выделил для себя четверых подозрительных.

Итак, наблюдать надо за шестью.

Немного, но и немало, хотя предстояло еще увидеть пассажиров третьего класса. Те волновали его меньше: на верхние палубы им выходить запрещено, и каждый нарушитель мигом становился замечен.

На всякий случай еще при посадке он уточнил, сколько трехклассных пассажиров вмещает судно, и услышал, что от Твери едут всего пятеро, но в Плесе к ним присоединятся монахи.

— Тех, как овец нерезанных, — хмуро добавил помощник. — На молебен в Нижний поедут. Беда с ними завсегда.

— Отчего же? — заинтересованно спросил Аникей Гаврилович, но ответа услышать не успел: по окрику капитана помощник сорвался с места и побежал в рубку.

На иных пароходах существует еще четвертый класс для чернорабочих, едущих артелями. Проезд отличается большою дешевизной, но пароходные администрации не заботятся даже о примитивных удобствах пассажиров, и люди перевозятся совершенно как скот: четвертоклассные пассажиры обыкновенно помещаются в носовой части нижней палубы на голом полу под открытым небом.

На «Пушкине» подобного безобразия не было, что определило выбор судна.

Надолго оставлять каюту, хоть и запертую, ему не хотелось, поэтому, сделав первые выводы и определившись, за кем следует установить надзор, Киселев поспешил вернуться к себе.

Устал с непривычки, да и обед — услышал, как этим вопросом интересовалась грузная дама, — начнут подавать только через час.

Свою каюту Аникей Гаврилович считал невероятным везеньем, ведь даже на малых пароходах тверского плеса разница между первым и вторым классом довольно резкая: во втором помещения отличаются удобствами да и чистотой. Поскольку путешествие предстояло долгое, а миссия — важной, ему впервые приобрели двухместную каюту первого класса с электрическим освещением, умывальником и отдельным галюном. Таких на пароходе всего четыре! Ванной с бесплатным пользованием, правда, не было, такие помещения бывают только на пароходах нижнего плеса. Ну да бог с ними, с ванными! Как будто ему привыкать по неделям не мыться!

Тут ведь в чем еще прибыток: пассажир, купивший билет с правом на отдельную каюту, получает из кассы пристани ключ от нее. Ну, как не поблагодарить родную страховую компанию за предусмотрительность! Считай, в отдельной квартире поплывет.

Хотя, чего греха таить, неудобства у «самолетных» малых судов тоже были. К ним часто отно-

сили нахождение пассажирских помещений под палубным балконом, вследствие чего выгрузка товара происходила прямо над головой пассажиров. Ладно бы только днем! Так и ночью то же самое.

Аникея Гавриловича подобные мелкие неудобства не затрудняли совершенно.

Ему частенько приходилось снова вдоволь волжских берегов, перевозя документы. Страховая компания «Волга», в которой он работал, обслуживала владельцев торговых и пассажирских судов. Крупных товариществ вроде «Самолета» или «Кавказа и Меркурия» привлечь пока не удалось, имели дело в основном с теми, что помельче, да подешевле. Всякого натерпеться пришлось. Иной раз ночевал в общей каюте и просыпался, искушенный клопами. А бывало, буквально с первого дня начинал мучиться желудком из-за плохой воды.

Волжская вода загрязнена отбросами и для питья совершенно непригодна. Конечно, на пароходах ее фильтруют, но так неудовлетворительно, что народ начинает бегать в галюн на втором часу после отплытия. Бывало, очередь выстраивалась через всю палубу, и к ночи уборная превращалась в нечто совсем неудобоваримое.

Аникей Гаврилович эти дела изучил хорошо, поэтому на дешевых пароходиках старался удовлетворять жажду пивом, квасом — хлебный по десять копеек бутылка — и чаем.

Но то раньше. Нынче он сподобился совместить работу с приятственным времяпрепровождением.

До чего же хорошо это! Особливо такой весной, как нынешняя!

За полдня успел он разведать все условия своего путешествия. Очень понравилось, что кухня и цены для первого и второго классов общие, но столовые — отдельные. Стало быть, компания за обедом будет немногочисленная, а публика — чистая.

Да и обед можно получить быстрее. Ему ведь рассиживаться некогда. Надобно бдеть.

Съестные припасы, в принципе, можно покупать и на пристанях. В больших городах у самых дебаркадеров имеются разные закусочные, лавки, женщины и дети продают хлеб, яйца, молоко, часто жареную птицу и рыбу, ягоды, фрукты. Все это в общем дешево, хотя с фруктами — знал по опыту — следует быть осторожнее, как и с молоком.

Гуляя по палубе, Киселев приметил несколько шкафов с книгами, какие заводятся на приличных судах для интеллигентной публики. Книжки обыкновенно случайные, за которыми следует обращаться к помощнику капитана. Но все эти глупости для праздной публики, Аникею без надобности. Да и, правду сказать, приверженцев чтения летом он встречал редко. Только если какая кисейная барышня, мнящая себя поклонницей романов господина Тургенева, усядется с

книжонкой под тентом, да и то больше для бле-зира: вид делает, что читает, а сама так и зыркает из-под шляпки. Видит ли кто, какая она образованная!

Аникей Гаврилович остановился возле одного шкафа и принялся разглядывать пассажиров, пользуясь стеклом как зеркалом. А вдруг кто-либо из них как раз в этот момент выдаст себя пристальным взглядом в его сторону?

Однако никто на него внимания не обращал. Только толстая тетка сурово поглядела, когда ее мальчишка, пробежав мимо, чувствительно задел его рукой. Мол, только попробуй возмутиться сим поступком милого дитяти!

Аникей Гаврилович сделал вид, что толчка не заметил. Книжки разглядывал!

Устав от впечатлений, он едва дождался обеда, коим остался доволен, и, вдоволь насмотревшись на пассажиров первого класса, лег отдохнуть.

Хотя пароходные правила гласят, что каждый пассажир может иметь при себе подушку и саквояж весом не более пуда, обыкновенно это не соблюдается, и администрация волжских пароходов не делает придирки к пассажирам за багаж, лишь бы только он помещался под столом или на занятом диване.

Его багаж хоть и был весьма тяжел, прекрасно уместился под койкой, добавив Аникею Гавриловичу уверенности, что все будет хорошо.

На этой мысли он уснул и проснулся, к своему удивлению, лишь на следующее утро, когда пароход подходил к Рыбинску.

За работой крючников, которые занялись грузом, прибывшим к месту назначения, он наблюдал, стоя возле своей каюты. Никуда не отлучался и даже не ответил на призыв вахтенного пройти к носовой части, чтобы не стоять, как он выразился, «под грузом».

Аникей Гаврилович с места не сошел до того самого момента, когда капитан приказал отдать швартовы.

В течение дня он несколько раз наведывался в места, где проводили время пассажиры второго класса, но надолго каюты не покидал. Взглянет, чем заняты четверо подозрительных субъектов, и назад.

Тех двоих, что плыли вместе с ним в первом, он почти не оставлял вниманием. Все старался невзначай приблизиться, чтобы послушать, о чем говорят. В какой-то момент даже показалось, что при его приближении подозрительные господа начинают переглядываться и переходят на шепот, но, поразмыслив, Аникей Гаврилович решил, что сам сподвиг их на подобную реакцию: уж больно рьяно принялся присматриваться и прислушиваться.

Это заставило его запереться в каюте и запретить себе без дела шляться по палубе.

НОЧЬ У КОСТРОМСКОЙ ПРИСТАНИ

Обычно мешающие спокойствию речного путешествия пронзительные свистки и рев, которыми обмениваются между собой встречающиеся пароходы, Аникею Гавриловичу не досаждали. Сон его всегда был крепок.

Но после первой ночи он спал урывками, чутко и нервно прислушиваясь к любому шороху за дверью каюты.

По этой самой причине Ярославля не видел. Как только пристали, сразу уснул, измученный, и проснулся лишь тогда, когда вновь услышал зычный гудок прощающегося с берегом «Пушкина».

На Кострому, однако, взглянуть хотелось, тем паче, что из разговора команды выяснилось: на пристани собран груз, который следовало доставить в Нижний.

Ему нравилось ожидать появления города, когда смотришь с воды. Иной раз это происходит неожиданно. Не было ничего, кроме поросших лесом берегов, вдруг раз — и открывается рос-